

Мервин Пик (1911 – 1968)

О пигмеях, пальмах и пиратах,
Бочках рома, дальних городах,
О кровавых призрачных фрегатах,
Квартеронках, скалах и китах,

О фламинго, пирамидах майя,
О горах, что вам не по плечу,
Я почти что ничего не знаю
И, пожалуй, лучше промолчу.

Вот о нашей стороне родимой,
О березках, дровнях и стерне,
И о том, как здесь суровы зимы,
Но ничуть не лучше по весне,

О селе, где пахарь богомольный
Теплит в старой церковке свечу,
Я уже успел сказать довольно,
И, пожалуй, тоже промолчу.

* * *

Один чудака пришел ко мне,
И вдруг воскликнул он:
"В твоём лице, на самом дне,
Я слышу чудный звон!"

Вздыхнул, прислушался опять,
И снова тот же бред:
"Любезный друг, к чему скрывать?
Ты - звонкий, спору нет."

Но я, серьезен и угрюм,
Сказал: "Пошел отсель!
Я бизнесмен! На мне костюм,
В руке моей портфель!"

"Твой камуфляж довольно мил,
Но все же слишком слаб.
Не скроют символы могил
Того, что ты – не раб.

Лоб низок, нос весьма убог,
И все ж они звенят,
Как серебристый ручеек
И бубенцы ягнят.

Ты знаешь – каждый убежден,
Что может стать творцом.
Все издают какой-то звон,
Но только не лицом.

Таких, как ты, почти что нет,
О истинный звонарь:
Один – бизон, другой – поэт,
А третий – русский царь.

Их звон подьмется до крыш
Весеннею порой,
Но ты их всех перезвенишь
Одной своей ноздрей.

Ты только не гони взашей
Союзника в борьбе,
И сотни страждущих ушей
Потянутся к тебе!"

Никто бы устоять не смог,
Услышав эту речь.
Мой ум бурлил, как кипяток,
Разил, как грозный меч.

Портфель я бросил в тот же час,
Пиджак откинул в грязь,
И под дождем пустился в пляс,
Ликуя и смеясь.

Мог видеть каждый за версту,
Что я, костюм поправ,
Метафизически расту,
Как молодой жираф.

Мой звон, усиленный стократ,
Заполнил целый мир,
И правду молвил адвокат,
И подобрел банкир.

О, как свобода хороша
От горечи земной!
Я знаю, впредь моя душа
Не будет зла со мной.

* * *

Когда надежды догорят,
Настанет смертный час,
Отрубит уши злой пират
У каждого из нас.

Среди неведомых широт,
Под рев китов-убийц,
Он паруса из них сошьет,
Как будто из тряпиц.

О уши! Знаю без прикрас,
И грустно мне до слёз,
Что перед бурей будет вас
Сворачивать матрос.

Чарльз Косли (1917 – 2003)

Медведь

Мне мама говорила, как
На старом рынке у моста
Большой медведь плясал трепак
Под дудку ловкого шута.

Скакал, оковами звеня,
Усердно шлепал среди луж,
И хохотала ребятня
Над тем, как был он неуклюж.

Как, верный воле дударя,
Шагал он марш, на тумбу лез,
Как по команде за царя
Он умер и опять воскрес!

А после с кружкой подошел,
Пахнул зверьем горячий мех,
И так был взгляд его тяжел,
Что замер мамин стыдный смех.

Забыв давно о циркачах,
Она запомнила навек
В его слезящихся очах
Далекий лес и белый снег.

Дом у мельницы

Дом у мельницы отец
Приобрел, и каждый день
Молчаливо, как мертвец,
Через сад ходила тень.

В черном с головы до пят
И с вуалью на челе -
Словно дух покинул ад
И гуляет по земле.

Шла с корзинкой, и за ней
Отыскать мы не могли
Ни изломанных стеблей,
Ни следов ее в пыли.

Но садовник, юный Билл,
Рассмеялся: "Ерунда!"

Он бездельничать любил
На лужайке у пруда.

"Привиденья - это вздор!
А на вас наводит жуть
Бабка Злорби, через двор
В магазин срезая путь".

И как только тень опять
Отворила дверцу в сад,
Мы решили ей сказать,
Что гостям тут каждый рад.

Лик - белее полотна,
Щеки вспыхнули огнём.
"Кто, - воскликнула она, -
Имя вам назвал мое?"

"Билл-садовник".
Горький взгляд.
"Помню давнюю беду -
Билли много лет назад
Утопился здесь, в пруду".